

Stephens, Mitchell. BEYOND NEWS: THE FUTURE OF JOURNALISM. Columbia University Press, 2014. – 234 p.

«Да, это кризис. В последние десятилетия обстоятельства складывались не слишком удачно для журналистов. Согласно данным “Центра исследований Пью”, с 1990 г. тиражи газет в Соединенных Штатах сократились более чем на 25% несмотря на продолжающийся рост населения. Вечерние информационные выпуски трех ведущих американских телевизионных сетей, некогда являвшиеся доминирующими источниками информации в стране, с 1980 г. потеряли больше половины своей аудитории. В то же самое время два из трех крупнейших национальных журналов новостей больше не издаются на регулярной основе, тогда как розничные продажи третьего, «Time», упали на 27% только в 2012 г.» [Stephens, 2014, p. XI]

Подобное признание не является чем-то новым для читателя, интересующегося развитием СМИ США. В конце концов, еще в 2008 г. профессор Сиракузского университета Вин Кросби предсказал, что до конца следующего десятилетия доживут менее половины из 1400 американских газет [Crosbie], а четырем годами ранее первопроходец «прецизионной журналистики» Филипп Мейер в своей новой книге «Исчезающая газета: спасение журналистики в информационную эпоху» [Meuer] пришёл к выводу, что эпоха печатных СМИ в США должна окончательно закончиться примерно в первом квартале 2043 г.

Разумеется, американских исследователей, да и не только их, волнует не столько судьба газет самих по себе. Как справедливо указывает название книги Ф.Мейера, речь идёт о спасении не газет, а чего-то гораздо более важного: журналистики. Правда, в данном случае многое будет зависеть от того, что именно следует понимать под данным термином, утверждает профессор Института Картера Нью-Йоркского университета М.Стефенс. «Предложить точное определение для журналистики оказалось на удивление трудной задачей» – отмечает он уже на первых страницах своей новой книги «После новостей: будущее журналистики» [Stephens, 2014, p.XIII].

Главная проблема, по его мнению, заключается в том, что большинство американцев воспринимают журналистов так же, как те рассматривают самих себя: в качестве профессионалов, освещающих новости. «Взгляните, например, на определение журналистики, предложенное в 2009 г. главным редактором “Нью-Йорк таймс” Билом Келлером, предлагает Стефенс. – “Под качественной журналистикой я понимаю ту её разновидность, которая предполагает опытных репортёров, посещающих места [событий], выступающих их очевидцем, исследующих архивы, работающих с источниками [информации], проверяющими и перепроверяющими её”» [Ibid., p.XI].

Подобное утверждение, на первый взгляд, выглядит довольно неожиданно для автора «Истории новостей» [Stephens, 1988], – одной из наиболее примечательных работ последних десятилетий в области истории журналистики, впервые увидевшей свет в 1988 г. и выдержавшей с тех пор два переиздания, но, к сожалению, мало известной российскому читателю.

Четверть века назад Стефенс, как и многие среди его коллег, рассматривал журналистику прежде всего как наиболее лаконичное определение деятельности по сбору и распространению новостей [Ibid., p. 3]. Вместе с тем уже тогда ему было очевидно, что с течением времени характер этой деятельности способен претерпевать глубокие изменения. Не случайно приведённое выше

определение журналистики исчезнет уже из второго издания «Истории новостей» в 1997 г. Зато в нём можно отыскать следующий пассаж: «... телевидение глубоко повлияло на журналистику. Особенно очевидны изменения, происходящие в газетах. Поскольку выпуски теленовостей превосходят их в оперативности освещения событий, газеты делают всё большую ставку на углубленные аналитические материалы. Они отказываются от простого освещения событий в пользу некоего гибрида новостей, мнений, истории и популярной социологии» [Stephens, 1997, p. 286].

Авторитет той журналистики, сторонником которой выступает Билл Келлер, базируется в первую очередь на том, что репортёр лично выступает свидетелем события либо получает информацию о нём из первых рук. Помимо этого журналисты XIX – XX вв. выработали набор профессиональных критериев, призванных гарантировать объективность создаваемой ими картины мира. Таких, как стремление к максимальной полноте и достоверности информации, точность, беспристрастность, ясность изложения, – именно их подчёркивает Келлер в своём определении качественной журналистики.

Разумеется, невозможно отрицать, что объективности и реализму американская журналистика обязана многими из своих успехов, примерами которых могут служить разоблачения муниципальной коррупции Линкольна Стефенса, описание ужасных подробностей атомной бомбардировки Хиросимы в работах Джона Херси или последствий применения пестицидов в публикациях Рэйчел Карсон, уотергейтское расследование Боба Вудворда и Карла Бернштейна. Но сегодня, когда на аудиторию обрушивается огромный поток самой разнообразной информации из Интернета, распространяющейся бесплатно в режиме реального времени, деятельность репортёров, скрупулёзно сообщающих о том, что произошло, кто и что об этом заявил, едва ли не полностью утратила свою ценность.

Возможно, полагает М. Стефенс, несколько информационных гигантов, подобных «Associated Press», «Reuters» и «Bloomberg» сумеют выжить, обеспечивая «оптовые поставки» оперативных сообщений и видеорепортажей о важнейших событиях, но большинству других информационных организаций, в том числе газетам, необходимо предложить аудитории нечто большее, то, что он обозначает термином «мудрая журналистика» (*wisdom journalism*).

«Мудрая журналистика представляет собой амальгаму. Для начала она включает в себя лучшие проявления репортажной журналистики (*reporting*) – эксклюзивные, инициативные расследования.... Вместе с тем мудрая журналистика предполагает, более того, придаёт особое значение компетентному, интерпретирующему, разъясняющему и даже пристрастному подходу к текущим событиям» [Stephens, 2014, p. XXVI].

Попытка использовать прилагательное «мудрый» применительно к термину «журналистика» может показаться странной и даже напыщенной, признаёт М. Стефенс, но, возможно, этот диссонанс заставит нас по-новому взглянуть на её цель и задачи. «Мудрая журналистика – нечто большее, чем термин для обозначения компетентной журналистики, стремящейся не только сообщить новости и рассказать о том, что произошло. Я предлагаю новый, и, на мой взгляд, более высокий, стандарт качества. Он должен помочь журналистам преодолеть текущий кризис и преуспеть в будущем» [Ibid., p.11].

«Ни одно произведение не может быть справедливо признано полезным и хорошо написанным, – утверждал Б. Франклин два с лишним века назад, – если в нём отсутствует стремление принести пользу читателю, улучшая либо

его добродетели, либо знания» (Цит. по: [Stephens, 2014, p. 8]). Именно это делает его наследие одним из наиболее удачных примеров той «мудрой журналистики», концепцию которой я предлагаю, – пишет М. Стефенс, – журналистики, в основе которой лежат аргументы, основанные на глубоком знании предмета. И да, такая журналистика может быть субъективной, поскольку несёт на себе глубокий отпечаток личных пристрастий автора: Франклин никогда не скрывал своего отношения к тому, о чём писал.

Разумеется, наличие той или иной авторской позиции ещё не является автоматическим залогом «мудрости», напротив, доведенное до крайности, это начало способно порождать нечто совершенно иное – худшие образцы предвзятой, ангажированной, узкопартийной журналистики. Она во все времена объединяла вокруг себя приверженцев той или иной политической позиции, а потому вполне может быть успешной и сегодня, как показывают примеры телеканалов «Fox News» и MSNBC, радиокомментатора Раша Лимбо, сайтов «Huffington Post» и «Drudge Reports».

Но если подлинной целью является нечто несоизмеримо большее, например, формирование общественного дискурса, призванного вобрать в себя различные точки зрения и оценить их социальную значимость, то для этого необходимы новые стандарты качества, которые позволят провести чёткую грань между «мудростью» и откровенной предвзятостью.

Попытка сделать первый шаг в этом направлении и является основной целью книги М. Стефенса. При этом он отдаёт себе отчёт, что подобное «начинание является слишком сложным, чтобы сформулировать что-либо, хотя бы отдалённо претендующее на последнее слово» [Stephens, 2014, p. 15].

Будучи амальгамой, в отдельных случаях «мудрая журналистика» может базироваться на тех же критериях качества, что и новостная. Следование им, однако, далеко не всегда ведёт к действительно глубокой, заслуживающей доверия интерпретации событий. Чтобы продемонстрировать это, М. Стефенс обращается к историческим примерам, сопоставляя «Письма пенсильванского фермера» Д. Дикинсона и знаменитое сообщение И. Томаса о начальном эпизоде Войны за независимость, сражениях при Лексингтоне и Конкорде, появившееся на страницах его газеты «Massachusetts Spy» 3 мая 1775 г.

При подготовке своего материала И. Томас использовал приёмы и методы, полностью укладывающиеся в инструментарий современных репортёров: опросив очевидцев произошедшего, он собрал подробные свидетельства лиц, чья «правдивость не вызывает сомнений», после чего изложил факты в хронологической последовательности. Однако его интерпретацию случившегося, – обвинение британских солдат в неспровоцированной стрельбе по безоружным поселенцам, преднамеренных грабежах и убийстве, – трудно не признать глубоко предвзятой и односторонней.

Разумеется, когда обострение социальных противоречий минует «точку невозврата», развитие событий, а вместе с ними и журналистика, начинают руководствоваться совершенно иной логикой. «“Умы и сердца” людей в Америке не были обращены к революции газетами, пытавшимися представить в том числе и противоположную точку зрения короля Георга III» – отмечал М. Стефенс в «Истории новостей» [Stephens, 1997, p. 262]. Но в данном случае, «даже несмотря на то, что темой И. Томаса выступает ни больше ни меньше как первый выстрел революции, он, возможно, заходит слишком далеко: “Плач беззащитных младенцев”? “Старики, молящие о пощаде?” Враг, одержимый “жаждой

крови»? Это слишком большая доза гнева и боли даже для войны» [Stephens, 2014, p. 21].

Где же тогда должна проходить грань между авторской субъективностью и откровенной предвзятостью, и возможно ли её провести? К счастью, отмечает М. Стефенс, мы располагаем целой научной дисциплиной, призванной служить данной цели. Речь идёт о риторике, теоретический фундамент которой был заложен ещё Аристотелем и получил своё развитие в трудах последующих поколений философов и лингвистов.

Как известно, Аристотель утверждал, что убедительность речи во многом зависит от нравственного облика оратора, который раскрывается в проявляемых им добродетелях. Причём, отмечал он, «это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой речи» [Аристотель, 1, 2, 4]. Важнейшими из добродетелей выступают умеренность и беспристрастность; первая заключается в воздержании от крайностей, подобных тем, которые демонстрирует И. Томас в приведённом выше примере, вторая – в готовности, подобно Д. Дикинсону, признать наличие иных точек зрения и добросовестно рассмотреть исходящие от них аргументы. По убеждению многих мыслителей от Аристотеля до Ю. Хабермаса, именно открытое столкновение противоположных мнений позволяет оценить истинную значимость исходящих от них аргументов и, тем самым, повысить качество общественного дискурса.

Естественно, помимо моральных качеств автору необходимо обстоятельное знание предмета обсуждения. Здесь М. Стефенс обращается к трудам британского философа пост-позитивиста Стивена Эделстона Тулмина, предложившего три основных критерия для оценки «притязаний на знание». Первой в его списке следует компетентность в соответствующей области, вторым – проведение всех необходимых наблюдений и исследований, третьим – использование обоснованных суждений.

Первое из условий Тулмина, пожалуй, мало у кого вызовет сомнение в начале XXI в., когда наличие университетского диплома в той или иной предметной области становится стандартным требованием к репортёру, специализирующемуся на её освещении.

Со вторым всё обстоит не столь однозначно, так как, на первый взгляд, оно полностью укладывается в определение качественной журналистики Билла Келлера, предполагающее опытных репортёров, выступающих очевидцами событий, исследующих архивы, и т.д. Однако это справедливо лишь отчасти, отмечает М. Стефенс, поскольку в XX в. журналисты зачастую выступали не более чем трансляторами того, что видели и слышали, не затрудняя себя «необходимыми исследованиями» в духе Тулмина. Классическим примером подобного рода стало освещение американскими СМИ заявлений сенатора Дж. Маккарти в 50-х гг. прошлого века.

А вот третий из критериев Тулмина, предполагающий способность к глубокому анализу и интерпретации информации – это именно тот ингредиент, которого недостаёт традиционной журналистике для превращения в «мудрую»; все три вместе взятые они должны стать основой её метода.

И всё же этого мало, чтобы «мудрая» журналистика достигла поставленной цели, ибо, по утверждению Аристотеля, «недостаточно знать, что следует сказать, но необходимо также сказать это как должно» [Аристотель, 3, 1, 1]. Сам он, как известно, довольно критично относился к идее эмоционального воздействия [Там же, 1, 1, 1; 3,1,2], признавая, однако, что стиль «оказывается весьма

важным вследствие нравственной испорченности слушателя». Сформулированный Аристотелем постулат, в соответствии с которым стиль должен соответствовать данному случаю, дабы придать делу вид вероятного [Там же, 3,7,1], по мнению М. Стефенса не утратил своего значения и по сей день.

Стивен Тулмин использует для обозначения тех же свойств текста иной термин, – убедительность, которая, в свою очередь, зависит не только от пафоса, но и доказательств, подтверждающих обоснованность чьих-либо «притязаний на знание». И здесь, полагает М. Стефенс, журналистика могла бы многое позаимствовать у юриспруденции.

Первое и наиболее очевидное правило заключается в том, что доказательства необходимы, второе – они должны быть конкретными. Возвращаясь к описанию событий при Лексингтоне и Конкорде, М. Стефенс отмечает, что И. Томас приводит лишь одно доказательство его справедливости: свидетельства лиц, чья «правдивость не вызывает сомнений». Помимо того их объединяет ещё два примечательных обстоятельства: во-первых, никто из них не назван по имени, а, во-вторых, все они, несомненно, принадлежали к антибритански настроенным американцам, что, увы, делает их свидетельства сомнительными по мнению М. Стефенса.

Аналогичным образом И. Томас не приводит ни одного конкретного подтверждения не только проявленной британскими солдатами жестокости, но и самого тяжкого из своих обвинений, – в преднамеренном убийстве. И хотя И. Томас исходил из лучших патриотических побуждений, воздерживаться от употребления наречий «возможно» и «вероятно» в условиях, когда дым первого военного столкновения ещё не рассеялся, – далеко не лучшая идея, полагает М. Стефенс [Stephens, 2014, p. 22].

Закрывает список критериев «мудрой журналистики» логика аргументации. И здесь, по мнению М. Стефенса, мало что можно добавить к тому, что уже сказано Аристотелем две тысячи лет назад. Все двадцать восемь описанных им энтимем, корректных риторических доказательств, легко отыскать во множестве современных журналистских материалов, как, к сожалению, и девять типов выделенных Аристотелем ложных аргументов. Разумеется, следование правилам логики не является достаточным залогом хорошего журналистского материала. «Но это может помочь, – пишет М. Стефенс. – Вместе с рассмотрением характера, дискурса, метода, стиля и доказательств подобный анализ логики способен предложить ориентиры для оценки того, к чему должна стремиться журналистика и чего ей удаётся достичь, когда она намерена не просто осветить события, но и сформулировать довод» [Stephens, 2014, p. 27].

Насколько жизнеспособен подобный рецепт? Для самого автора ответ очевиден: одну из семи глав своей работы он полностью посвящает тем проявлениям «мудрой журналистики», которые можно обнаружить в США уже сегодня, как, например, основанный в 2002 г. супругами-юристами Томом Голдстейном и Эми Хоу «SCOTUSblog», специализирующийся на освещении деятельности Верховного суда США.

Однако с точки зрения некоторых критиков американская журналистика сегодня нуждается не только и, возможно, не столько в новых стандартах качества, сколько новых источниках финансирования, а это тот вопрос, ответ на который бесполезно искать в книге М. Стефенса [Kundanis].

Признавая справедливость подобного замечания, следует всё же признать, что внимательному наблюдателю ответ на него уже подсказала сама жизнь. Как с гордостью заявила три года назад на одном из торжественных приёмов в Нью-

Йорке заместитель редактора «Financial Times» Гиллиан Тетт, количество электронных подписчиков её газеты уже в 2012 г. превысило число получателей бумажной версии, а доходы от подписки практически сравнялись с поступлениями от рекламы [Tett]. К сказанному ей остаётся лишь добавить, что «Financial Times» выступает, пожалуй, наилучшим возможным приближением к идеалу «мудрой журналистики», которое можно отыскать за пределами США.

Скорее основная проблема с рецептом «мудрой журналистики» М. Стефенса заключается в том, что он, к сожалению, не является универсальным. В странах, пресса которых не прошла в своём развитии этапа «репортажной журналистики», а требования объективности и беспристрастности не закрепились в сознании её практиков в качестве базовых профессиональных норм, он способен привести к прямо противоположному результату. Как писала в 2012 г. на страницах немецкого издания «Global Media Journal» исследовательница из Санкт-Петербургского университета А.Литвиненко в 2004 г., «согласно опросу “Amnesty International”, 75% россиян желали возвращения цензуры, – шокирующая цифра, наглядно демонстрирующая их недовольство низкопробной журналистикой. В случае с Россией концепция, исходящая из убеждения, что журналисты призваны в первую очередь выражать собственное мнение, оказалась одним из главных факторов деградации стандартов журналистики и её девальвации как профессии, наряду с экономическим кризисом» [Litvinenko].

Литература

Аристотель. Риторика.

Багдикян Б. Монополия средств информации. М., 1987.

Crosbie, Vin. Transforming American Newspapers // Corante, August 20, 2008. URL: http://rebuildingmedia.corante.com/archives/2008/08/20/transforming_american_newspapers_part_1.php (Accessed May 5, 2015)

Kundanis, Barbara. Beyond News: The Future of Journalism by Mitchell Stephens (Book Review) // Library Journal, May 15, 2014. URL: <http://www.bookverdict.com/details.xqy?uri=Product2014-05-15-7287462.xml> (Accessed May 17, 2014)

Litvinenko, Anna. A New Definition of Journalism Functions in the Framework of Hybrid Media Systems: German and Russian Academic Perspectives // Global Media Journal. German Edition. Vol. 3, No. 1, Spring/Summer 2013. URL: http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-27640/GMJ5_Litvinenko_final.pdf (Accessed May 5, 2015)

Meyer, Philip. The Vanishing Newspaper: Saving Journalism in the Information Age. University of Missouri Press, 2004.

Stephens, Mitchell. A History of News. Harcourt Brace & Company, 1997.

Stephens, Mitchell. A History of News: from the Drum to the Satellite. Penguin Books, 1988.

Stephens, Mitchell. Beyond News: The Future of Journalism. Columbia University Press, 2014.

Tett, Gillian. Keynote Remarks at the Knight-Bagehot 37th Anniversary Gala // About Us. Financial Times. URL: <http://aboutus.ft.com/2013/01/03/gillian-tett-keynote-remarks-at-the-knight-bagehot-37th-anniversary-gala/#axzz3YcYWRVY3> (Accessed May 5, 2015)

В.М.Виниченко